

Л. И. ВЕРХОВСКИЙ

Мистерии и откровения Туринской плащаницы

("Химия и жизнь", 1991, № 12)

*Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святых.
Сейчас Должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь.*

Б. Пастернак

В Турине, в кафедральном соборе св. Джаованни Баттиста (Иоанна Крестителя), хранится удивительная реликвия — белое льняное полотно, на котором коричневатými пятнами проступает изображение израненного бичеванием и распятием мужского тела. По преданию, в это покрывало был облачен снятый с креста Иисус Христос.

За последние сто лет плащаница не раз становилась объектом внимания ученых. Но только в 1988 году церковь дала согласие на радиоуглеродный анализ нескольких маленьких лоскутков в лабораториях Аризоны, Оксфорда и Цюриха. Все с нетерпением ждали результатов, и вскоре эксперты вынесли свой приговор ("Nature", 1989, т. 337, с. 611): полотно изготовлено в XIII или XIV веке. Хотя этот вывод не все считают убедительным (см. "Nature", 1991, т. 349, с. 558).

В любом случае осталась неразрешенной другая загадка: как возникло изображение? Скорее всего появление пятен на материи вызвано обезвоживанием целлюлозы, однако не ясно, как получилась такая поразительно детальная картина. Тут ведутся споры, предлагаются самые разные гипотезы.

Я предположил, что в плащаницу было завернуто тело человека, подвергнутого распятию, но не погибшего на кресте (см. «Науку и религию», 1989, № 6). К такому же выводу пришел Р. К. Баландин в своей брошюре "Чудо или научная загадка?" (М.: Знание, 1989). Он обратил внимание на то, что, судя по отпечаткам на ткани, из ран завернутого в нее человека текла кровь. Значит, у него билось сердце — он был жив.

Можно представить, что при длительной экспозиции горячего, воспаленного тела получилось его тепловое фото на ткани. Более горячие места ран вызвали большее потемнение, что видно на плащанице. Конечно, последнее слово здесь должны сказать химики.

Кто был этот человек? Может, один из тех средневековых фанатиков, которые повторяли крестный путь, желая испытать «страсти Господни» (недавно по ТВ показывали таких добровольцев на Филиппинах — они проводят на кресте несколько минут). Вряд ли мы узнаем имя этого человека. Важнее другое — распятый, он остался живым.

А что известно о казни самого Иисуса из Галилеи?

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ЕВАНГЕЛИСТЫ

Из канонических евангелий можно узнать, что Иисус и два распятых вместе с ним разбойника мучились на кресте несколько часов. Затем, в соответствии с религиозными предписаниями иудаизма (с ними считались римляне), требовавшими захоронить умерших до захода солнца, воины должны были ускорить наступление смерти у распятых и снять их с крестов. Для умерщвления жертв обычно наносили удар копьем в область сердца или перебивали мечом голени. («Чтобы дышать на кресте, человек должен приподымать грудную клетку, опираясь на ноги; если их сломать, то смерть от удушья наступит через несколько минут. Этим специальным вопросом посвящена статья в американском медицинском журнале — «JAMA», 1986, т. 255, № II.)

В евангелии от Иоанна сказано: «Итак пришли воины, и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним; Но, пришедши к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени». Значит, ног Иисусу не перебивали, поскольку посчитали, что он уже мертв. Читаем дальше: «Один из воинов копьем пронзил Ему ребра». Но ведь этот удар мог быть не смертельным (кстати, на Туринской плащанице виден след раны не на левом, а правом боку распятого), и к моменту снятия с креста Иисус мог оставаться живым.

«Понятно, что если бы это на самом деле было так, то получило бы естественное объяснение воскресение — событие, сыгравшее ключевую роль в становлении новой религии. Как сказал один из ее основателей, апостол Павел: «А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша».

Разумеется, подобный исход мог получиться чисто случайно: после перенесенных испытаний и нескольких часов мук на кресте Иисус впал в состояние комы, поэтому когда воины подошли к нему с целью перебить голени, то решили, что он уже мертв и не сделали этого. Прележав в гробнице в течение полутора суток (с вечера пятницы до утра воскресения) Иисус пришел в себя и покинул то место, где был оставлен. Этот факт и лег в основу легенды о его чудесном воскресении из мертвых.

Но давайте взглянем на происшедшее под иным углом зрения. Читая евангелия, видишь, как хорошо Иисус заранее представлял, что его ожидает, как уверенно шел к своему предназначению. Чувствуется, что все происшедшее с ним не было стихийным стечением обстоятельств. Так, собственно говоря, учит и церковь: в Иисусе воплотилась, реализовалась божественная идея. Но даже если так, то само ее осуществление, по моему мнению, происходило вполне земным путем — посредством идеи, возникшей в голове человека.

КАК ДОНЕСТИ ДО ЛЮДЕЙ НОВУЮ ИСТИНУ?

Сыну плотника из Галилеи открылась новая истина, противоречащая ортодоксальному иудаизму. Суть расхождений наиболее четко выражена в Нагорной проповеди (от Матфея, гл. 5), в многократном повторении: «Сказано.., а Я говорю вам...» Отойдя от практического, правового по духу учения Торы, Иисус провозглашает высшие, идеальные отношения между людьми: «Вы слышали, что сказано: «око за око, и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». Согласитесь, что и через две тысячи лет его наставления звучат непривычно и парадоксально: «...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас... и молитесь за обижающих вас...»

В глазах первосвященников Иисус выступил диссидентом и еретиком, подрывающим основы веры. Позднее в Талмуде записали, что Иисус был колдуном, совращавшим Израиль и толкавшим его к предательству. По еврейским законам такое отступничество считалось преступлением. По образу жизни Иисус принадлежал к странствующим проповедникам, деятельность которых часто приводила к волнениям и массовым выступлениям. Они жестоко подавлялись римскими властями и жреческой верхушкой, а их вдохновители подлежали суровому наказанию. Так, был казнен популярнейший из них — Иоанн Креститель. Понятно, что Иисус имел очень ограниченные возможности распространять свои взгляды, а добиться изменения официального учения своими проповедями не мог и мечтать.

Вообще, в тогдашней Палестине церковь пронизывала все сферы жизни, и иудеи очень ревностно относились к своей древней религии, которую, считалось, Моисей принял непосредственно от Бога. И все же незначительные церковные реформы изредка проводились. Но как? В каждом случае требовалось доказать, что предлагаемые уточнения ни в коем случае не новшества, а напротив, высказаны много веков назад, освящены ветхозаветными патриархами и пророками. Обычно в таких случаях народу сообщали, что в одном из тайников иерусалимского храма обнаружена доселе неизвестная книга, написанная рукой самого Моисея или другого авторитета, в которой как раз содержатся данные положения.

Если же кто-то, как Иисус из Назарета, стремился утвердить целую систему новых взглядов, дать новую религию, то тут у него оставался только один, да и то фантастический путь: объявить себя мессией, то есть наделить себя божественными атрибутами.

Дело в том, что в книгах пророков, начиная с Исаии (VIII век до н. э.), и далее у Даниила, Осии, Захарии и других, сквозной темой звучит предсказание прихода Мессии — помазанника Божьего (Христос по-гречески), который станет царем и спасителем еврейского народа. С его появлением наконец восторжествует справедливость — «Он будет судить бедных по правде, и дела страдальцев земли решать по истине...» Этот погрязший в грехах мир погибнет, и наступит новая счастливая эра, «золотой век», Царство Божие на Земле: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком, и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их... не будут делать зла».

Пророки предвидели, что мессии суждено сильно пострадать и принять мученическую смерть, которая станет искуплением за грехи всех людей — «..Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; ...и ранами Его мы исцелились», «Он истязуем был, но страдал добровольно... как овца, веден был Он на заклание... отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь».

Но на этом его жизнь не закончится — Бог воскресит его: "...Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его». Воскреснув же сам, он откроет путь к спасению и бессмертию другим: «И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление».

В этих эсхатологических пророчествах были описаны, часто со многими деталями, черты и образ действия грядущего Мессии. Говорилось, что потомок Давида, будущий Царь Израиля, родится в городе Вифлееме, что он въедет в Иерусалим на ослице, что он будет казнен вместе с разбойниками — «...и к злодеям притчен был», что одежду его поделают по жребию. Назывались даже последние слова, которые он произнесет перед смертью: «Боже мой! Боже мой! Для чего Ты оставил меня?».

Итак, «сценарий» будущего мессианства — пусть в разных источниках и часто иносказательно — в древних книгах уже содержался. С другой стороны, настроения ожидания прихода Спасителя в народе, испытывавшем тяжелый гнет римских захватчиков и собственных царей, были очень сильны. Время от времени появлялись проповедники, выдававшие себя за мессий, и люди часто шли за ними. Так, многие надеялись, что им был Иоанн Креститель — «...все помышляли в сердцах своих о Иоанне — не Христос ли он». А потом сам Иоанн будто бы спрашивал у Иисуса: «Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?».

Как же Иисус мог доказать, что он не из числа этих лжемессий? Для этого требовалось совершить нечто необыкновенное, из ряда вон выходящее — ведь «обычный» набор чудес в виде демонстрации разных фокусов типа исцеления больных умели показывать многие. Но разве в Писании не сказано, что настоящий Спаситель должен погнубить и воскреснуть?

И тут, мне кажется, Иисусу могла прийти безумная, на первый взгляд, мысль: попытаться осуществить самую главную и трудную часть «сценария» — смерть и воскресение из мертвых. Ведь если ему удастся это сделать, то его учение будет уже не ересью, а наоборот, исполнением завещанного. Он так и говорил: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить». Когда люди убедятся в том, что галилеянин — обетованный Богом спаситель, его проповедь сразу приобретет высочайший статус. А значит, и рядовые иудеи, и левиты вынуждены будут принять то, в чем он пока тщетно старается их убедить.

Разумеется, принятие такого решения потребовало от Иисуса мобилизации всех душевных сил (сорок дней в пустыне в одиночестве Иисус вынашивал его в себе), полного самоотречения, готовности претерпеть любые муки во имя утверждения новой истины. Но ведь люди легче воспринимают идеи, которые оплачены страданиями, еще лучше смертью — Иисус понимал, что другого способа быть услышанным у него просто нет.

ЗАМЫСЕЛ

И с того времени Иисус «...начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть». Позже, когда он въезжал в столицу, он подозвал двенадцать учеников и сказал им: «...Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; И предадут Его язычникам на

порушение и бичение и распятие; и в третий день воскреснет». Как видим, Иисус отчетливо осознавал свою судьбу.

Эта страшная тайна, этот Замысел, который его ученики были не в состоянии постигнуть, стали невидимой стеной отделять учителя от его паствы, придавая речам и действиям Иисуса символический и сакральный оттенок.

По возможности Назаретянин старался добиться, чтобы его деяния совпадали с предписаниями сценария. Однако, если въехать в город на ослице не составляло труда, то изменить место своего рождения или свое происхождение Иисус не мог. Но он надеялся, что, осуществив главное, после, задним числом, можно будет как-то сгладить несоответствия, подогнать действительное к предписанному. Так потом все и получилось, хотя впоследствии в евангелиях обнаружатся многие натяжки и явные противоречия, которые дадут основания сомневаться в историчности Христа.

Итак, Иисусу предстояло погибнуть и воскреснуть. Но как это исполнить?

Иудейский суд синедриона за различные преступления предусматривал разные виды казни: побитие камнями, сожжение на костре, отсечение головы, повешение. За выступления против религии приговаривали к побитию камнями, и, скорее всего, Иисусу грозил этот вид лишения жизни. Распятие на кресте римляне применяли по отношению к политическим преступникам-неримлянам и рабам.

Логично предположить, что именно последний тип казни Иисус посчитал наиболее подходящим. Просто потому, что остается некоторый шанс быть снятым с креста еще живым. Но чтобы попасть на крест, требовался приговор не иудейского, а римского суда. Зная политическую структуру и механизм судопроизводства в государстве, Христос, вероятно, рассчитывал определенными действиями этого достичь.

Конечно, выполнение всей программы оставалось делом крайне сложным, зависящим от непредсказуемых обстоятельств. Реализовать ее можно было только имея влиятельных сообщников, и, как мы увидим, они у Иисуса действительно были.

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

В то время вера людей в реальное освобождение от иноземного ига и улучшение жизни была уже подорвана. Вооруженные выступления против римлян обычно заканчивались трагически, тысячи и тысячи восставших погибали на крестах. В этих условиях церковная верхушка (партия саддукеев) встала на путь соглашательства с захватчиками. Другие (партия фарисеев) искали опору в национальных традициях, в неукоснительном соблюдении всех предписаний иудаизма.

Вообще, среди фарисеев было много различных сект. Туда входили zeloty и секари, вставшие на путь террора, и один из учеников Иисуса, Симон, был zelotom. Из фарисеев вышли ессеи, в среде которых сложились многие представления будущей религии, прежде всего, о праведном учителе, жестоко пострадавшем. Часть фарисеев видела выход не в физическом, а в нравственном, внутреннем возрождении, в очищении древней веры от бюрократических наслоений и начетничества.

Именно эти идеи и отстаивал Иисус. Он отвергал разделение людей по имущественному признаку, утверждал равенство всех перед Богом — «не позволяй считать другого человека ничтожным или безумным». Это было мировоззрение, переносящее центр жизни с внешнего на духовный мир человека. «Царство Божие внутри вас есть»,— настаивал Иисус. Все это помогало переносить тяготы жизни, сохранять человеческое достоинство. Понятно, что учение Иисуса привлекало к себе и простолюдинов, и образованных иудеев.

Поэтому среди фарисеев Иисус мог найти тех, кто понял бы его Замысел и стал помощником в задуманном им деле. Есть ли в Новом завете какие-либо свидетельства о контактах Иисуса с фарисеями? Да, есть. Говорится об Иосифе и Никодиме, которые неожиданно появляются на Голгофе в самый ответственный момент, вступают в переговоры с римскими властями, договариваются с ними о снятии тел и обеспечивают захоронение Иисуса. Марк: «И как уже настал вечер... пришел Иосиф из Аримафеи, знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия...» Иоанн: «...Иосиф из Аримафеи — ученик Иисуса, но тайный из страха от Иудеев... Пришел также и Никодим,— приходивший прежде к Иисусу ночью...»

Когда Иисуса схватили и привели к первосвященникам, те спросили: «Уверовал ли в Него кто из начальников, или из фарисеев?». Тут же и ответ: «Никодим, приходивший к Нему ночью, будучи один из них...» Итак, видно, что у Иисуса были тайные последователи из числа знатных фарисеев — «знаменитый член совета».

Кто еще мог помогать ему? Женщины — Мария из Магдалы, восторженные поклонницы Иисуса сестры Марфа и Мария (одна из них мазала ему ноги миррой и вытирала своими волосами). Это о них О. Мандельштам сказал: «...Сопроводжать воскресших и впервые приветствовать умерших — их призванье». Видимо, обаяние личности Иисуса, его сострадание униженным и отвергнутым, величие его учения, которое женщины воспринимали больше сердцем, нежели умом, делали их преданными друзьями. Они не оставили Иисуса даже на Голгофе.

Наверное, из любви к учителю они помогали ему демонстрировать чудеса. Так, воскрешение Лазаря из мертвых состоялось в доме Марфы и Марии (там же, по Иоанну, была и тайная вечеря). Не исключено, что, желая доставить радость Иисусу, сестры, не мудрствуя лукаво, придумали себе умершего брата, о котором до этого момента нет никаких упоминаний.

Но почему же ближайшие ученики — будущие апостолы — не были посвящены в Замысел? Во-первых, эти простые и малообразованные люди вряд ли поняли бы смысл задуманного. Главное же — им отводилась своя и очень важная роль: стать свидетелями и глашатаями свершившегося События — воскресения Иисуса. В апокрифическом евангелии эбионитов Иисус говорит: «Я хочу, чтобы вы были двенадцатью апостолами для свидетельства Израилю». А пока тот кульминационный момент не настал, они должны просто смотреть, слушать и запоминать, что делает и говорит их равви.

Потом, потрясенные его величайшим унижением, гибелью и воскресением, они должны будут по-новому осмыслить все, чему они стали очевидцами, убедиться сами и убедить других, что в житии Иисуса действительно сбылось все, что возвещали пророки. А до того времени они готовятся, не ведая о том, к исполнению своей миссии — «Теперь сказываю вам, прежде нежели то сбылось, дабы когда сбудется, вы

поверили, что это Я». На прощальной вечере Иисус сказал: «Дух святой... научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам».

Итак, Иисус проповедовал, рассказывал притчи, «поясняя истину светом повседневности», возвращал зрение ослепшим и воскрешал умерших, показывал разные чудеса. В этом не заключалось ничего экстраординарного, таких бродячих философов и магов на Востоке всегда было много. Возможно, если бы все этим ограничилось и он оставался в окраинной Галилее, никаких репрессивных мер против него не последовало бы. Но не таков был замысел Иисуса, и главную часть трагедии — восхождение на Голгофу — предстояло исполнить в столице.

В ИЕРУСАЛИМЕ

И вот решающий день наступил. Перед праздником Пасхи, когда правители особенно настороженно воспринимают любые политические выступления, Иисус с учениками вступает в Иерусалим. Он провозглашает себя царем иудейским, и толпа оказывает ему царские почести. Но есть и сомневающиеся, которые говорят: «...ты не из Галилеи ли? рассмотри, и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк».

Намеренно вызывающее поведение Иисуса — он даже осмеливается гонять менял из храма Соломона, цитадели первосвященников,— сразу приводит к острому столкновению с властями. Появляется стража, чтобы арестовать его, и Петр пытается с оружием в руках защитить Иисуса. Но тот сказал ему: «...вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?»

В глазах не знающих Замысла приверженцев Иисуса это его поведение, неотвратно приближающее к гибели, стало полной неожиданностью. Для Иисуса же то был сознательно выбранный им путь, его «чаша», но для большинства ничего не подозревавших учеников все это оказалось непосильным испытанием. Спасая себя, они в ужасе отшатнулись от своего пастыря. Так, в сущности, все и задумывалось: чем сильнее у них чувство вины перед учителем, тем большим будет психологический эффект, когда он явится им живой. Кроме того, Иисус мог еще раз проявить силу своего сверхчеловеческого, на взгляд непосвященных, предвидения: он же говорил им, а они не верили, что один из них предаст его, другой отречется и все они оставят его. Как обычно в таких случаях, об этом есть и соответствующие места в Писании: «ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пяту свою», «поражу пастыря, и рассеются овцы стада». Значит, предсказанное действительно сбывается.

Суд синедриона осуждает Иисуса на смерть, и дело остается лишь за тем, чтобы утвердить приговор у римского наместника. Именно—этот момент необходимо было использовать, чтобы избежать побития камнями, то есть казни по иудейским законам.

Вероятно, Пилату, стремившемуся не допустить беспорядков во вверенной ему провинции, показалось странным как поведение самозванца, так и сопровождавшей его толпы, почему-то столь враждебно к нему настроенной. Допустимо, что прокуратор попытался как-то уладить конфликт, но, к его удивлению, иудеи настаивали на смертном приговоре. «Пилат сказал им: возьмите Его вы и по закону вашему судите Его. Иудеи сказали ему: нам не позволено предавать смерти никого,— Да сбудется слово Иисусово, которое сказал Он, давая разуметь, какую смертью Он умрет».

Вот тут-то и раздалось не стихающее в веках: «Распни, распни его!». Ошеломленному прокуратору оставалось только подчиниться воле этих диких и фанатичных, как он всегда считал, иудеев.

Вся эта драматическая сцена становится объяснимой, если предположить, что сообщники Иисуса, которым во что бы то ни стало требовалось добиться совершенно определенного вида расправы над ним (о котором он «давал разуметь»), находились в толпе зевак и сумели настроить этих людей против Иисуса. Наверное, сделать это было не очень трудно, учитывая, что в своих проповедях Иисус отстаивал не столько национальные, сколько общечеловеческие ценности. Поэтому в глазах темной массы его можно было представить ренегатом, предателем кровных интересов.

В своей известной книге «Сказания евангелистов» З. Косидовский пишет, что в евангельских изложениях суда синедриона есть много противоречий и что поэтому некоторые исследователи считают этот кусок поздней вставкой. Она могла быть сделана для того, чтобы возложить основную ответственность за гибель Сына Божьего на иудеев (с целью облегчить принятие новой веры другими народами, населявшими империю). Если это так, то Иисус сразу по доносу первосвященников предстал перед римскими властями и был судим ими как политический преступник.

Так или иначе, но задача получения нужного приговора была решена, и дорога на Голгофу оказалась открытой.

НА ГОЛГОФЕ И ПОСЛЕ

Подчеркнем, что дальнейшее — издевательства над Иисусом, его бичевание и распятие — не было бутафорией. Иисусу предстояло претерпеть все эти муки, а общий исход дела оставался неясным: в любой момент по какой-нибудь случайности план мог провалиться, и он бы просто погиб на кресте. Чтобы он остался в живых, необходимо было очень четко выполнить заключительную стадию; естественно, это целиком и полностью лежало на его сообщниках.

Когда пришло время снимать распятых для захоронения, Иосиф из Аримафеи «...осмелился войти к Пилату и просил тела Иисусова». (Заметим, что в неканоническом евангелии от Петра Иосиф характеризуется как «друг Пилата и Господа».) Прокуратор удивился, что самозванец, оказывается, уже мертв, и призвал сотника, чтобы тот подтвердил. Получив подтверждение, Пилат разрешил снять тело. Я согласен с Р. К. Баландиным, что богатому фарисею не составило труда подкупить нужных людей — ведь для римских солдат казнь какого-то галилейского смутьяна была событием совершенно заурядным.

В итоге достигли главного: Иисуса сняли с креста без перебития ему ног, что и спасло ему, если следовать гипотезе, жизнь. Размышляя о «быстрой кончине» Иисуса на кресте, Р. К. Баландин высказывает предположение, что тот умел впадать в состояние мнимой смерти, чему мог научиться у египтян или шумеров. В самом деле, воскрешая умершую дочку начальника синагоги, Иисус сказал: «...не умерла девица, но спит». Похоже, что, будучи целителем других людей, Назаретянин действительно владел секретами гипноза, умел управлять собственной психикой.

Судя по всему, Иосиф и Никодим все время, пока Иисус страдал на кресте, были где-то рядом и контролировали ход событий. Они же руководили захоронением: тело

обмыли, смазали благовониями — составом из смирны и алоэ, который принес Никодим («литр около ста»), завернули в плащаницу и положили в новый, выбитый в скале гроб. Скала находилась в саду, принадлежавшему все тому же Иосифу Аримафейскому. А дальше случилось то, что и задумывалось: Иисус сам или с чьей-то помощью покинул гробницу. Мария Магдалина пришла на третий день проведать тело и обнаружила его исчезновение. Слух об этом невероятном событии начал распространяться. Как же на него реагировали?

Церковники предвидели, что ученики Иисуса попытаются выкрасть его тело, и заранее обратились к Пилату: «...господин! мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: «после трех дней воскресну»; Итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтоб ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу: «воскрес из мертвых». Такой линии они и придерживались: «Скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали». Потом евангелистам придется всерьез опровергать эту возможность. Так, Иоанн говорит, что Иисус воистину воскрес, потому что похитители тела не стали бы аккуратно складывать его покрывала.

Позднее это прозаическое толкование пропажи тела неоднократно использовали противники христианства, пытавшиеся развенчать идейное ядро нового верования — факт воскресения. Появилась также версия, что распят был не Иисус, а другой человек, и значит, Иисус не воскресал, поскольку не умирал. Например, в одном средневековом арабском источнике проводилась мысль, что Иуда указал страже не на Христа (Иудин поцелуй), а на кого-то другого, он-то и был осужден. В японских легендах о Христе утверждалось, что на крест взошел младший брат Иисуса. А в кашмирских источниках говорилось, что Иисус не умер на кресте, но выжил, после чего бежал в Индию вместе с матерью и учениками — Фомой и Иосифом Аримафейским.

СНОВА С УЧЕНИКАМИ

И вот Иисус является к подавленным скорбью и угрызениями совести ученикам. «Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа». Неожиданные появления и исчезновения Иисуса только усиливают это впечатление. Стараясь убедить их в своем телесном воскресении, равви преломлял с ними хлеб, ел печеную рыбу. Чтобы побороть сомнение Фомы, он позволяет ему осмотреть свои раны. И все же потрясенным ученикам трудно было в это поверить (и в наше время реакция людей в аналогичной ситуации вряд ли была бы иной).

Теперь настал черед учеников сыграть предназначенную им роль, но они никак не могут понять ее, и Иисусу приходится помогать им: «...вот то, о чем Я говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и в псалмах». Но и этого оказывается недостаточно, сбывается то, о чем писал Исаия: «Услышите и не уразумеете, смотрите будете и не увидите». Иисус вынужден снова и снова растолковывать этим ограниченным и неискушенным в Писании людям смысл и значение происшедшего: «Тогда Он сказал им: о, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы верить всему, что предсказывали пророки! Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании».

Наконец то, что долго подготавливалось, начало приносить свои плоды — Иисус «отверз им ум к разумению Писаний». Ученики стали прозревать — они и вправду нашли в священных книгах предсказание всего, что случилось с Иисусом.

Какое-то время воскресший появлялся среди людей — «...явился Кифе, потом двенадцати; Потом явился более нежели пятистам братьев в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые почили». Что стало с Иисусом после? Об этом нет четких свидетельств, его следы как бы теряются. Можно полагать, что он вскоре умер (например, от заражения крови). Во всяком случае, идея его вознесения на небо включена в Новый завет значительно позже — в IV веке.

БЕЗ ИИСУСА

Главной опорой новой веры становится как будто бесспорный факт воскресения — «...явил Себя живым по страдании Своем со многими верными доказательствами, и в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божиим».

Перед правоверными иудеями возникла дилемма: с одной стороны, учение Иисуса — ересь и оно должно быть отвергнуто, а с другой — его жизнь, смерть и воскресение совпадает с тем, что было сказано в Писании о грядущем Спасителе, следовательно, его учение должно быть принято. То, что исполнилось завещанное пророками, являлось очень сильным аргументом, и это действовало на людей. Так, брат Иисуса, Иаков — будущий руководитель иерусалимской общины христиан — уверовал после того, как повидал живого Иисуса.

Апостолы начали проповедовать в среде иудеев, убеждая их в том, что обещанный и долгожданный мессия уже приходил, но они не узнали его: «Бог Авраама и Исаака и Иакова, Бог отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса, Которого вы предали и от Которого отреклись пред лицом Пилата, когда он полагал освободить Его... Впрочем, я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению; Бог же, как предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил».

Они призывали людей к покаянию и жизни по новым, провозглашенным Христом законам. Конечно, это встречало и сопротивление: «Когда они говорили к народу, к ним приступили священники и начальники стражи при храме и саддукеи, Досадуя на то, что они учат народ и проповедуют в Иисусе воскресение из мертвых». Тем не менее начали возникать первые иудеохристианские общины — «Многие же из слушавших слово уверовали; и было число таковых людей около пяти тысяч».

Итак, в основание новой церкви легли представления об искупительной жертве и о воскрешении Богом своего посланца. На этом строил свою апостольскую деятельность Павел и другие проповедники. По мере вовлечения в этот процесс других народов акценты стали смещаться: говорилось не столько о совпадении с библейскими пророчествами (что было важным для иудеев), сколько о возможности личного бессмертия для каждого, о скором втором пришествии Христа — «Бог воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею», «...ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся».

Теперь требовался только внешний толчок для начала официального оформления новой религии. Им стало крупнейшее антиримское восстание — четырехлетняя иудейская война, закончившаяся тяжелым поражением и разрушением иерусалимского храма. Тогда и произошло резкое усиление мессианских чаяний, нашедшее свое выражение в вере в Иисуса Христа. Началось ее письменное закрепление.

РОЗЕТТСКИЙ КАМЕНЬ НОВОЗАВЕТНОЙ ТАЙНОПИСИ

Ясность всех событий делает их таинственными...

Ф. Кафка

По-видимому, в основе евангелий лежат действительно имевшие место события, поэтому кажутся совершенно достоверными слова Иосифа Флавия (1 век н. э.) по неискаженному арабскому источнику: «В это время был мудрый человек, которого звали Иисус. Весь его образ жизни был безупречен, и он был известен своей добродетельностью, и многие люди среди евреев и других народов стали его учениками. Пилат осудил его на распятие и на смерть. Но те, кто стали его учениками, не отказались от его учения. Они рассказывали, что он явился им через три дня после распятия и что он был тогда живым; таким образом, он был, может быть, мессия, о чудесных деяниях которого возвестили пророки».

Моя гипотеза лишь добавляет к этому, что все происходило по заранее составленному Иисусом плану. Его учение победило, возникла новая мировая религия, значит, в целом провидение Назаретянина оказалось верным.

На все эти соображения меня натолкнула Туринская плащаница, которая позволила пролить свет на «чудо» воскресения. Но, с другой стороны, само ее существование и тот факт, что, несколько раз побывав в огне пожаров и пережив столько катаклизмов, эта реликвия не погибла и дошла до нас, тоже можно считать в некотором роде чудом. «Рукописи не горят...» Наверное, не только рукописи, но и все то, исчезновение чего могло бы нарушить целостность и самосогласованность истории и культуры.

Как бы ни было, открывшаяся Иисусу истина, его этический идеал — «...потому что Бог есть любовь» — продолжает светить, оставаясь стержнем всей духовной жизни человечества. Как писал А. И. Герцен, «...евангелие торжественно огласило права человека, и люди впервые услышали, *что они такое*». Закончу словами Пастернака:

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.